

Дарья Василевич

ВЛИЯНИЕ НАРОДНОЙ МИФОЛОГИИ НА ЛИТЕРАТУРУ ЯПОНИИ

Darya Vasilevich

INFLUENCE OF NATIONAL MYTHOLOGY ON THE LITERATURE OF JAPAN

Мифологическое влияние в генезисе литературных сюжетов, образов и персонажей берет свое начало из древних текстов Японии, продолжающие свою традицию в современной литературе.

Mythological influence in the genesis of literary subjects, images, figures and characters originates from the ancient texts of Japan, which remain relevant in modern culture.

Одним из наиболее заметных явлений в культуре Японии по праву считается мифология, влияние которой и сегодня ощущается во всех сферах жизни страны: в религии, литературе, театре, музыке, кинематографе, и изобразительном искусстве.

Изучение мифологии Японии стало особенно актуальным в последнее время, когда у многих народов мира наблюдается всплеск этнического (национального) самосознания, повышение интереса к традиционной культуре, своим истокам. Мифологические представления играют не последнюю роль в этом процессе. Именно в мифологии люди все чаще ищут ответы на злободневные вопросы современности, обращаясь к мифологическому и героическому прошлому народа. При этом особое значение приобретают не только «классические», канонизированные мифы, зафиксированные в литературных сводах, но и народная мифология, основу которой составляет локальный фольклор. Однако именно этот мифологический источник оказывается наиболее незащищенным перед стремительно надвигающейся урбанизацией, «массовой культурой». Сохранение, фиксация и исследование произведений народной мифологии — одна из важнейших задач культурологической, литературоведческой и фольклористической науки. Все сказанное полностью может быть отнесено и к Японии.

Мифологическое фольклорное влияние на литературу Японии является нам в архаические времена, где берет свое начало раннее поэтическое творчество. Японская поэзия, как рассказывается в японских трактатах раннего Средневековья, берет истоки во «времена богов», когда, согласно этим трактатам, существовали так называемые «имена вещей эпохи богов», потом «забытые людьми». В самом деле, прослеживается живая связь японской литературной поэзии с фольклорными формами и магическими практиками. Эта связь очевидна и в начальном периоде ее письменной истории, и позже — в виде рефлексов прежних состояний культуры или же сознательной литературной стратегии.

Ранняя литература сохраняет за собой ряд мифологических и ритуальных функций в почти неизменном виде и сама выступает как специфическая целостность, состоит из совокупности текстов, преимущественно направленных друг на друга.

Мифологический литературный мир древней Японии может быть описан на основе нескольких групп сохранившихся древних текстов: 1) мифологические своды «Кодзики», «Нихон сёки», 2) тексты специально ритуального назначения, исполняемые при дворе в рамках официальных церемоний, к которым относятся молитвословия *норито*, возносимые богам Неба-Земли, и указы древних императоров *сэммё*, а также песни, исполняемые в рамках ритуалов «увеселений богов» (песни *кагура*, *саибара*), 3) раннее поэтическое творчество, и прежде всего песни разных жанров, зафиксированных в первой поэтической антологии «Манъёсю».

Песни, записанные в «Кодзики» и «Нихон сёки», отражают довольно ранние верования и представления о мире и применимы для реконструкции состояния древней устной словесности и ее связей с ритуалом и мифом. Главным составителем «Кодзики» традиционно считают придворного О-но Ясумаро, человека высокой культуры, создавшего единый свод мифов и придавшего ему литературный характер и единство, использовавшего истории известного сказителя древности Хиэда-но Арэ, собравшим существовавшие к тому времени (началу VIII в.) многочисленные разрозненные мифы древних обитателей японских островов и фольклорные сказки, пронизав его идеей непрерывности. Составитель свода мифов или, как считает Икэда Дайсаху, «Составители преследовали не только политические цели (обоснование божественного происхождения императорского рода, необходимость объединения различных племен и кланов под властью одного правителя), но и стремились проникнуть в драму человеческой истории» [5, с. 50].

Богатый материал относительно верований и обрядовых правил содержат древнейшие из сохранившихся ритуальных текстов, использовавшихся в придворных обрядах. Прежде всего это молитвословия *норито*, а также указы *сэммё*, относящиеся к правлению разных властителей древней Японии. В совокупности эти разновидности придворного ритуала воссоздают некое мировоззренческое единство. В этом пространстве заданы мировоззренчески вполне определенные правила поведения, представления о связи явлений, общие закономерности мира и человеческой жизни. Мифопоэтический строй текстов, уже прошедший раннюю стадию историзации, служит одним из ориентиров для реконструкции отдельных черт того мира, какой представляла собой дописьменная японская культура.

Преобразование японской обрядовой песни, исполняемой на *утагаки* (ритуалах, посиделках, обрядах), в литературную поэзию, наиболее отчетливо наблюдается на примере поэтической антологии конца VIII века «Манъёсю», она же служит и одним из основных источников по реконструкциям фольклорной традиции и мифологических представлений. Эта первая в японской литературной истории антология была создана по императорскому приказу и включала и фольклорную, и авторскую поэзию. Именно из «Манъёсю» родились особые японские поэтические формы, такие как Танка (вака, или ута) и Хайку (или хокку).

Древние японские тексты имеют большую культурологическую значимость для научной мысли Японии: данные произведения послужили не только для формирования мышления японцев, но и сформировали длительную литературную и театральную традицию, сохранившуюся до наших дней. Сильное влияние вышеуказанных текстов проявилось у авторов феодальной Японии Судзуки Сёсан, Асаи Реи, Огита Ансэй, Уэда Акинари и других. После падения «Бамбуковой стены» в эпоху Мейдзи, когда в Японию хлынул поток культуры Западной цивилизации, повлиявшей на всю жизнь народа, нашлись авторы, продолжавшие культурную традицию древней японской литературы. Акутогава Рюноске, Кумэ Масао, Кикуги Хироси, Ямамото Юдзи отстаивали право на мифологичность, нарочитую фабульность, требовали разнообразия и красочности материала, ценили яркость образа и выразительность языка, как того требует литература древности. В современной литературе Японии также наблюдается сильный всплеск мифологически-фольклорного влияния. Авторы Сузуки Джульетта, Сёто Ая, Фудзивара Кокоа, Адаци Тока, Такахаши Румико, Тоёта Ю, Нашизука Ута, Сираси Юки, Сакано Кейко

постоянно обращаются к мифологическому своду «Кодзики», «Менъёсю», фольклорным сказкам, за сюжетными линиями синтоистских богов, а также сверхъестественными существами японского фольклора. Также особую роль занимают драматические произведения театров Но и Кабуки, в которых фольклорные сюжеты являются основой. Через данную литературу (прозу, поэзию, драму) идет трансляция ценностей, норм и идеалов, созданных еще в архаические времена.

Японская мифологическая традиция до сих пор существует в литературе и культуре страны. Мифотворчество становится своеобразным средством «расширения мыслительных горизонтов», позволяет взглянуть по-новому на бывшие некогда фундаментальными образы, вспомнить историю, сохранить свою самобытность, традицию и культуру.

Список литературы:

1. Глускина, А. Заметки о японской литературе и театре / А. Глускина. – М. : Наука, 1979. – 300 с.
2. Ермакова, Л. Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики / Л. Ермакова. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 272 с.
3. Ясумаро, О. Кодзики. Записи о деяниях древности / О. Ясумаро ; пер. с япон. В. Горегляд, Е. Пинус. – М. : Кристалл, 2000. – 608 с.
4. Нихон, Сёки. Анналы Японии : в 2 т. ; пер. со старояп. А. Еврмакова, А. Мещерякова – Т. 1 Свитки I-XVI. – СПб. : Гиперион, 1997. – 488 с.
5. Икэда, Дайсаку. Наука и религия. Диалоги / Дайсаку Икэда, А. Логунов. – М. : Издательство МГУ, 2012. – 488 с.
6. 岡本太郎日本の伝統/岡本太郎. – 出版社: 光文社, 2005. - 292 ページ = Окамото, Таро. Нихон-но дэнто / Таро Окамото. – Токио : Коданся, 2005. – 292 с.

Го Лянь

ФОРМЫ И ЭСТЕТИКА ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ГЛИНЯНЫХ ИГРУШЕК «НИГУГУ»

Guo Luan

FORMS AND AESTHETICS OF TRADITIONAL FOLK CLAY TOYS «NIGUGU»

Игрушки «нигугу» включают в себе гены традиционной культуры, которые живо отражают простые и бесхитростные народные обычаи центральных регионов Китая.

Toys «nigugu» embody the genes of traditional culture, which vividly reflect simple folk customs of the central regions of China.

Изготовление традиционных народных глиняных игрушек «нигугу» из уезда Сюньсянь в Китае – один из древнейших видов ремесла китайской народности «хань». Это и украшение, доставляющее радость для глаз, и игрушка для детей. Этих традиционные глиняные изделия отличаются простыми формами, богатыми цветами, для них характерны ярко выраженные региональные черты, которые живо отражают простые и бесхитростные народные обычаи центральных регионов Китая.

Уезд Сюньсянь находится на западе провинции Хэнань вблизи города Хэби на равнине, по которой течет Хуанхэ. В древности был известен как Лян. «Нигугу» – это общее название глиняных игрушек, так как, если подуть в них ртом, они издают очень простой звук «гу-гу». По этой причине игрушки и получили свое образное название «нигугу» («ни» по-китайски – «глина»). Что касается происхождения, известно лишь, что в последние годы правления династии Суй в этом месте произошло крупное сражение между повстанцами и правительственными войсками, в котором было убито и ранено большое множество как солдат, так и конницы, и, чтобы увековечить память о погибших воинах и лошадях, из глины сделали статуэтки, передававшие настроение печали по погибшим [2, с. 138]. Производство «нигугу» сконцентрировано в поселке Янцигунь вблизи Чэнгуаня, здесь эти игрушки имеют особо тесные связи с местными народными обычаями. Деревня Янцигунь находится недалеко от горы Дацишань, где в пятнадцатый день первого и седьмого месяцев по лунному календарю проводятся храмовые ярмарки, куда женщины ходят и молятся о ниспослании сына [1, с. 11].

В результате исторического развития «нигугу» сохранились до нашей эпохи, и на сегодняшний день их можно разделить на три большие категории и более ста видов. Что касается размеров, то в высоту они бывают от 2 до 20 см, в длину – от 3 до 20 см. Среди традиционных форм имеются боевые лошади, всадники, единороги, фантастические олени-бисе, львы, птицы и прочие. Что касается категории человеческих образов, то прототипами для них послужили солдаты повстанческой армии, а также персонажи классических китайских романов «Троецарствие», «Путешествие на Запад», «Речные заводы». Всадники изображаются с запрокинутыми головами, всем своим видом они показывают воодушевление. Что касается категории зверей, то она представлена фигурами тигров, львов, слонов, боевых лошадей и прочих. В особенности ярким является образ боевого скакуна, голова и шея которого выглядят неестественно большими, а голова запрокинута вверх, грудь выпячена – весь вид такой лошади свидетельствует о ее силе и мощи. Категория птиц представлена ласточками, голубями, павлинами и прочими образами пернатых, но наиболее классическими изделиями на тему птиц являются декоративные формы ласточек и голубей. Это гиперболизированные формы, при изготовлении которых все ненужные мелочи и детали опускаются. Круглый надутый живот птиц контрастирует с относительно маленькими на его фоне головой и хвостом, общая декоративная форма выглядит простой и безыскусной, но вместе с тем милой и очаровательной.

Уезд Сюньсянь находится на древних водных путях реки Хуанхэ, где под землей расположена масса первосортного материала для лепки. Вначале глину извлекают из-под земли, затем формуют ком, из которого лепят базовую форму животного, затем при помощи бамбуковой палочки прорисовывают детали, и в конце в хвостовой части проделявают отверстие, чтобы игрушка издавала разные звуки, когда в нее подуют. Когда игрушка вылеплена, она сохнет в темном и прохладном месте, а затем обжигается в земляной печи. В самом конце игрушку красят, причем вначале ее всю покрывают черной или коричневой краской, затем наносят белый, красный, зеленый, синий, желтый и другие цвета, чтобы «нигугу» была яркой и привлекающей внимание, выглядела более живой. В конце ее покрывают слоем лака, чтобы она сохраняла глянцевый блеск. Готовые игрушки отправляют в храмы для продажи на ярмарках.